
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.20323/1813-145X-2022-6-129-167-175

EDN: AHTCZW

«Уединенное» Василия Розанова, или Жизнь НЕ как она есть

Ирина Анатольевна Едошина

Кандидат филологических наук, доктор культурологии, профессор кафедры истории ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет». 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17
tettixgreek@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1046-0719>

Аннотация. В проблемном поле статьи находится вопрос о степени биографичности одного из самых известных текстов В. В. Розанова под названием «Уединенное». Для решения данного вопроса автор использует историко-культурный, биографический и аналитический методы при общем герменевтическом подходе.

Автором статьи подробно восстанавливается история публикации «Уединенного», драматизм которой в значительной степени определяется необычностью содержания текста. Уделяется отдельное внимание природе этой необычности, связанной с откровенностью авторских признаний. Далее на основе анализа фрагментов из «Уединенного» автор статьи стремится обнаружить, где и как, с помощью каких художественных средств Розанов разграничивает события из собственной жизни с тем, как они представлены в тексте. Отмечается обильное использование пунктографии, чья визуальная природа позволяет сразу и резко отделить, например, Розанова-человека от «Розанова» или *Розанова* (как героев), сочинение — от «сочинения» или соч./соч.). Кроме того, автор статьи проводит сопоставление написанного текста и событий из реальной жизни Розанова, отмечает их фактологическое несовпадение при внешнем кажущемся сходстве.

Отдельно рассматривается специфика художественного текста и впервые предлагаются его типологические характеристики: параболический и почти биографический. Каждый из этих типов текста описывается на основе проведения аналитических процедур. В итоге утверждается, что текстообразующим началом в «Уединенном» выступает персонифицированное отношение к себе и к жизни, что нашло отражение в специфике художественных средств, адекватных я-сознанию автора, но не его биографии.

Ключевые слова: проблемное поле; текст; пунктография; биография; я-сознание; типология; персонификация

Для цитирования: Едошина И. А. «Уединенное» Василия Розанова, или Жизнь НЕ как она есть // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 6 (129). С. 167-175. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-6-129-167-175>. <https://elibrary.ru/ahtczw>

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ART (CULTUROLOGY)

THEORETICAL ASPECTS IN STUDYING CULTURAL PROCESSES

Original article

«Solitary» by Vasily Rozanov, or Life as it's NOT

Irina A. Edoshina

Candidate of philological sciences, doctor of culturology, professor of the department of history, FSBEI HE «Kostroma state university». 156005, Kostroma, Dzerzhinsky st., 17
tettixgreek@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1046-0719>

Abstract. The problem field of the article is a question of degree of biographical character of one of the most famous texts by V. V. Rozanov called «Solitary». To solve this issue, the author uses historical, cultural, biographical, analytical methods with a general hermeneutical approach.

The author of the article reconstructs in detail the history of the publication of «Solitary», the drama of which is largely determined by the unusual content of the text. Special attention is paid to the nature of this unusualness associated with the frankness of the author's confessions. Further, based on the analysis of fragments from «Solitary», the author of the article tries to find out where and how, with the help of what artistic means, Rozanov distinguishes between events from his own life with the way they are presented in the text. There is an abundant use of punctography, which visual nature allows one to immediately separate, for example, Rozanov (a person) from «Rozanov» or Rozanov (as heroes), an essay from a «composition» or (short composition). In addition, the author of the article compares the written text with events from the real life of Rozanov, notes their factual discrepancy with an external apparent similarity.

Attention is drawn to the specifics of the literary text and for the first time its typological characteristics are proposed: parabolic and almost biographical. Each of these types of texts is described on the basis of analytical procedures. As a result, it is argued that the text-forming beginning in «Solitary» is a personified attitude towards oneself and towards life, which is reflected in the specifics of artistic means that are adequate to the author's self-consciousness, but not his biography.

Keywords: problem field; text; punctography; biography; self-consciousness; typology; personification

For citation: Edoshina I. A. «Solitary» by Vasily Rozanov, or Life as it's NOT. *Yaroslavl pedagogical bulletin.* 2022;(6): 167-175. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-6-129-167-175>. <https://elibrary.ru/ahtczw>

Постановка проблемы

«Уединенное» В. В. Розанова давно и прочно вошло в историю не только отечественной, но и зарубежной культуры XX столетия. По способу организации художественного текста, по представлению в качестве главного героя я-сознание «Уединенного» Розанова вполне вписывается в искания европейского модернизма. Никто и никогда не подвергал сомнению, что «Уединенное» — художественный текст. Однако в книгах и статьях о Розанове его «листва» («Уединенное» в том числе) воспринимается как биографический источник, даются прямые ссылки [Фатеев, 2013]. Однако художественный текст, даже если он основан на автобиографической фактологии, предполагает ее творческое осмысление. Отсюда — главная проблема статьи заключается в обнаружении тех «зазоров», которые не позволяют поставить знак равенства между героем «Уединенного» и его автором.

Исследовательская часть

110 лет тому назад, побывав под запретом, увидела свет книга В. В. Розанова «Уединенное».

Но и после цензурной правки (совсем небольшой) в этой книге осталось нечто смущающее, тревожащее своей откровенностью, граничащее с чем-то неприличным, а то и вовсе постыдным. Странным образом соотносилось это «нечто» с самим автором «Уединенного», который казался его главным персонажем. Впрочем, не только казался, но даже (вроде бы) признавался в этом: «Лучшее “во мне” (соч.) — “Уединенное”. Прочее все-таки “сочинения”, я “придумывал”, “работал”, а там просто — я» [Письмо,

1915]. Обратим внимание на это скромно данное в скобках сокращенное (соч.), то есть сочинение, причем без кавычек. Далее слово «сочинение» пишется Розановым полностью, но в кавычках. В чем смысл этой дифференциации — слово в кавычках и слово без кавычек? Случайность? Но у Розанова ничего случайного не бывает, он внимателен и чуток к слову, особенно — к форме его написания. Заключая слово «сочинение» в кавычки, Розанов указывает на его особое для данного текста значение. По мнению, например, А. Д. Синявского, «кавычки — признак рукописности прозы Розанова» [Синявский, 1982, с. 118].

Авторское понимание пунктуационных знаков всегда связано с решением экспрессивно-эмоциональных задач, и потому выбор знака определяется конкретной ситуацией, а не собственно знаком в его грамматико-стилистической функции. Средства авторского использования пунктографии в данном случае представлены кавычками с их свойством указывать на «двойной» смысл слова — общепринятый и условный [Валгина, 1989, с. 150].

Признание Розанова — «лучшее “во мне” (соч.) — “Уединенное”» — через кавычки наглядно уравнивает «во мне» и «Уединенное». Если исходить из того, что «Уединенное» — это художественное произведение, основанное на наблюдении за миром действительным и собой как его частью, то «во мне» скорее указывает на некий творческий процесс, нежели содержит отсылку к биографии. Кавычками обозначается перевод «во мне» в условный (то есть художе-

ственный) план, отсюда — (соч.) как сокращенная форма слова «сочинение».

«Сочинение» — отглагольное существительное, образованное от «сочинить», чье семантическое поле маркировано двойственностью: «Слово *сочинить*, хотя и носит некоторый отпечаток разговорности, свободно выражает два значения: ‘создать’, ‘написать’ (сочинить стихотворение) и ‘выдумать’ (что-нибудь, не соответствующее действительности). В слове *сочинитель* значение ‘писать’ явно устарело, зато живо разговорное ‘выдумщик’ и даже ‘лгун’ (ср. значения слов *сочинительство*, *сочинительский*). И только слово *сочинение* сохраняет свой книжно-официальный характер. (“Собрание *сочинений* Куприна”; ср. “классное *сочинение*”. Впрочем, ср. также в значении действия по глаголу *сочинить*: “*сочинение* небылиц”, “*сочинение* неправдоподобных анекдотов” и т. п.)» [Виноградов]. Этимологическая подвижность глагола «сочинить» не могла не привлечь внимания Розанова.

Отвергая общепринятый смысл слова «сочинение» в отношении им написанного, Розанов не только убирает кавычки, но и сокращает самое слово до *соч.* в отличие от не приемлемого им «сочинения». Это у других — «сочинения», а у него, у Розанова, — *соч.*, да еще заключенное в скобки.

Скобки — «парный выделительный знак препинания, основное назначение которого — изолировать внутри предложения замечания и пояснения (слова, конструкции, предложения), которые, таким образом, приобретают статус вставных», но «включаются в пространство предложения» [Шварцкопф, 2003, с. 485]. Отсюда вытекает функциональная двойственность скобок: что-то графически выделяя, оставаться в общем пространстве мысли. В этом контексте (*соч.*) отделяет текст Розанова от привычной художественности, но не выключает из общего литературного процесса. В «Уединенном» он выступает как творец художественного текста. Он весь в этом («соч.») как писатель, ни на кого не похожий, никому не подражающий, восставший против сочинительства и утверждающий правду *собственной души*, ее вздохов и восклицаний, получивших художественную форму опавших листьев, которые мог прочитать или не прочитать неизвестный читатель из авторского вступления к «Уединенному».

Кстати, мотив читателя тоже не случаен. Думается, мотив этот связан с давним опытом Розанова по изданию своих сочинений. Неудача с

книгой «О понимании» приводит его к журналистике, где нужно было писать кратко и общедоступно, понятно для массового читателя. Это умение давалось ему с трудом, он буквально выдавливал из себя тяготение к философствованию, добываясь требуемого от него результата. Мучительно и много работая над словом (в чем, думается, немалую услугу оказало участие в переводе и написании комментариев к «Метафизике» Аристотеля), Розанов сумел открыть для себя «тайну» слова, кроющуюся в его полисемантической природе. Вот эту природу он начинает активно использовать, употребляя кавычки, курсив, скобки, сокращения, многоточие, графическое расположение слов, абзацы. Розанов слово видит, слышит, чувствует, как те самые «штаны», собственной кожей. И если он пишет «лучшее “во мне”», то таким образом отделяет себя как журналиста, писателя Розанова от того Розанова, который станет героем, главным действующим лицом «Уединенного».

Автору недавно вышедшей в серии ЖЗЛ книги «Имя Розанова» «секрет» розановского «Уединенного» (а шире — и «листвы» в целом) видится в том, что Розанов «не делал никакой тайны не только из своей жизни, но из жизни своих близких и не очень знакомых людей» [Варламов, 2022, с. 209]. Но если вспомнить биографию Розанова, то никакой тайны в ней решительно не обнаружится. (Кроме, пожалуй, тайного венчания в Ельце.) Более того, решительно всеми «тайнами» своей жизни Розанов делился в письмах. Да и что такого *тайного* могло быть у отца многочисленного семейства, отнюдь не красавца и не ловеласа, своим трудом это семейство содержащего? Все-таки, думается, дело не в тайнах, хотя одна из недавно обнаруженных и впервые опубликованных работ Розанова именуется именно как «Тайна».

Работа эта писалась Розановым в конце 1890-х гг. Помимо размышлений о феномене пола, в «Тайне» содержатся важные для понимания специфики розановского письма постулаты: а) сохранить мысль в той темпоральности, в которой она явилась автору; б) источником творческого порыва является «природа»; в) спецификой своей (течение, тембр, цезура, рифма, содержание) мысль должна наполнить «великое множество голов человеческих», из коих лишь некоторые закружатся, а большая часть «только раздосадуется»; г) мысль, исполненная жизни, есть «в точности рожденный правильный плод». И в качестве вывода: «Жизнь *in verbo* есть вторая и

подражательная», способная «условно-нужно» воспроизвести «то, что расцветает красками и ароматом ... из стебля лилии, из этой прекрасной “бабушки”, которая “перестала теперь танцевать”, потому что у ней “уже есть внучка”. Здесь есть равноценность, равнозначительность; есть, собственно, даже одно и то же, но относящееся между собою как свет лунный и солнечный» [Розанов, 2015, с. 294, 295, 296]. Итоговый вывод о разнице между жизненным феноменом и его представлением в слове, как *между светом лунным и солнечным*, является сущностным, поскольку напрямую указывает на этот зазор, на эту разницу и одновременно их органическую общность. Органике жизни должна отвечать органика слова, давшего ей адекватное художественное воплощение.

Розанов — величайший и тонкий наблюдатель бытия во всех его оттенках, которых он не чуждается, наоборот, активно впитывает, чтобы потом, на этой основе, «заносить их на бумагу» как уже «опавшие листья», то есть *отошедшие* от их создателя и его жизни, бытийствующие в восприятии других людей.

С этих позиций обратимся к именованию сборника мыслей-листьев — «Уединенное». Оторвавшийся лист — давний, излюбленный в художественной культуре образ. Один из вариантов есть у А. С. Хомякова, к творчеству которого Розанов не был равнодушен:

Листья мы с тобою, Петр:

Унесет нас буйный ветер,

Буйный ветер, что тихо дышит,

Будто травки не колышет,

А послушаешь — трава

Шепчет чудные слова [Хомяков, 1969, с. 314].

Словно в унисон этим строчкам Розанов воспринимал слово как чудо, одним из проявлений которого и стало «Уединенное».

В грамматическом отношении слово «уединенное» — субстантивированное причастие, являющееся глагольной формой, что обуславливает «встречу» двух грамматических категорий (от существительного и от глагола), порождающих субстантив среднего (неопределенного, мыслимого) рода, в памяти которого сохраняется активность действия. Такого рода нет в действительности, эта категория мыслимая, сотворенная. В данном случае — уединенное сознание автора порождает мыслечувства, которые, подобно листьям, отлетают от него, чтобы в итоге обернуться текстом под названием «Уединенное». Сосредоточенность на я-сознание, заявленная уже в

названии, придает всему тексту подчеркнутый автобиографизм, в котором словно признается сам Розанов уже в эпиграфе «Почти на праве рукописи». Словами «на праве рукописи» в чиновном мире помечались документы для внутреннего пользования. Розанову это было хорошо известно, поскольку он работал в Государственном контроле у Т. И. Филиппова и даже сшил специальный фрак, соответствующий чиновнику 7-го класса. Потому «на праве рукописи» вряд ли имеет отношение к «рукописности» розановской «листвы» [Синявский, 1982, с. 115-119].

Но, думается, есть иной оттенок в понимании существа рукописи, ключом к которому в эпиграфе является слово «почти», образующее тот самый зазор между биографией и творчеством. Розанов признается: «Мое “я” только в рукописях...» [Розанов, 2002, с. 17]. А перед читателем лежит отпечатанный текст, обездушенный, без лица и характера. Однако это обстоятельство не мешает Розанову издавать свои рукописи именно в таком облике, — на уровне «почти» несовпадения жизни и слова. Например.

«11/2 года полу-живу. Тяжело, печально. Страшно. Несколько месяцев не вынимал монет (античн., для погляденья). Только вырабатываю 50-80 р. “недельных”: но никакого интереса к написанному» [Розанов, 2002, с. 301].

По всем внешним признакам текст сугубо биографический. Дисгармоничное состояние Розанова было вызвано болезнью «Друга», Варвары Дмитриевны, его невенчанной, но горячо любимой супруги, матери его детей.

Датировка «листа» — «(16 декабря 1911)» — позволяет выяснить, чем был занят Розанов в течение этого года. Оказывается, помимо 84 статей, написанных им за 1911 г. (положим, это и есть «недельные» выработки), выходят книга «Люди лунного света. Метафизика христианства», брошюра «Неузнанный феномен» (о К. Н. Леонтьеве). Кроме того, Розанов начинает подготовку к публикации писем А. С. Суворина: пишет статью «Из припоминаний и мыслей об А. С. Суворине», затем ее расширяет. В итоге опубликует в качестве предисловия к изданию писем в 1912 г. Вряд ли вся эта работа отражает признание об отсутствии «интереса к написанному». Скорее, наоборот, Розанов словно бежит в работу от своих тяжелых мыслей, четко отделяя события личной жизни от того, что происходило в его творческой деятельности. Аналогично и розановское признание, что *монет он не выни-*

мал. В то же время часто встречающаяся ремарка «за нумизматикой» свидетельствует об обратном.

Из этого сопоставления следует, что Розанов в «листе» не столько следует внешним сторонам своей жизни, сколько стремится схватить и запечатлеть в слове катастрофу бытия, когда тяжело, печально, страшно. Отсюда специфика письма: отрывистые краткие предложения, словно передающие прерывистость дыхания — пневмы, для чего Розановым используются наречия. Как грамматическая категория наречие обладает признаком действия, указывая на сложные отношения между именем и глаголом. В данном случае это, скорее, указание на состояние всякого человека в минуту возможной потери того, кто стал частью тебя.

Другой пример. «Кончил рождественскую статью. “Друг” заснул... Пятый час ночи. И в душе — Страстная Пятница...» [Розанов, 2002, с. 308].

Речь идет о рождественской статье «Зимний праздник», опубликованной в «Новом Времени» от 25 декабря 1911 г. без подписи [Розанов, 2010а, с. 396]. В статье Розанов грустно замечает, что Рождество свелось к «елочке», что все забыли истоки этого праздника, связанного с детьми, которым поэтому следует вернуть в праздничные дни все права. Завершается статья призывом: «Будь же едина в праздничной радости, добрая русская семья. С Рождеством Христовым все, от мала до велика!!...» [Розанов, 2005, с. 329].

В приведенном «листе» внешне много автобиографичного, связанного с острым чувством разлада с детьми, равнодушных к болезни матери, потому, рассуждая о сущности Рождества, он обращается к теме детства и семейных отношений, закономерно переводя взгляд на заснувшего «Друга», а потом обращаясь к самому себе, чтобы обнаружить в собственной душе Страстную Пятницу. Обратим внимание, что Розанов в «листе» даже не упоминает тему детства, которую словно «упаковал» в статью «Зимний праздник» и забыл о ней. Иное становится главным — собственное «я», чье бытие неожиданно освещается событиями Страстной Пятницы, страданиями и муками Христа. Здесь не может быть никакой биографии, здесь я-сознание Розанова вписывается в контуры христианской истории. Это взгляд автора на себя со стороны. Замечу, что Розанову вообще присуще постижение бытия (и себя самого) через органы обоняния, зрения, тактильные ощущения. Поэтому он собственные тексты на философско-религиозных заседаниях никогда не

читал сам, а просил сделать это другого человека, чтобы услышать, *как* звучит его слово, *как* его воспринимают.

Типологически вся «листва» в «Уединенном» может быть разделена на два вида текстов: «почти» биографический, где материалом для наблюдения и создания образа является частная жизнь (собственная в том числе), и параболический как итог размышлений над жизнью в целом и потому выходящий за пределы частной судьбы.

Начну со второго типа — параболического: от концепта «парабола». Парабола обладает подвижной внутренней структурой, тяготеет к символу, но не становится им, будучи изоморфной предметному миру [Митрофанова].

Как правило, «листья» параболического типа отличаются малым объемом. Приведу несколько примеров.

«Душа есть страсть. И отсюда отдаленно и высоко: “Аз есмь огонь поедающий” (Бог о Себе и Библии). Отсюда же: талант нарастает, когда нарастает страсть. Талант есть страсть» [Розанов, 2002, с. 150]. Здесь Розанов в своей любимой манере находит религиозный (высший) смысл в явлениях бытия обнаруживает его в душе и таланте, указывая на их изоморфизм и усматривая в нем основу творчества.

«Кто любит народ русский — не может не любить церкви. Потому что народ и его церковь — одно. И только у русских — одно» [Розанов, 2002, с. 234]. Параболическая природа этого «листа» базируется на изоморфизме народа и церкви, что Розанов подчеркивает курсивным выделением слова «одно».

К параболическому типу относится и финал «Уединенного»: «Никакой человек не достоин похвалы. Всякий человек достоин только жалости» [Розанов, 2002, с. 310]. Изоморфизм этой параболы строится на основе соотнесенности человека (не важно какого) с его внешней оценкой.

«Почти» биографический тип «листья» в «Уединенном» преобладает, что в немалой степени является основанием для их прямого соотнесения с жизнью Розанова. Такого типа «листья» тяготеют к обширности, подробностям, словно выхваченным из собственной жизни. Но всегда есть зазор между собственно жизнью Розанова и теми образами, которые из нее вырастают.

В качестве примера обращусь к одному из самых известных «листья» в «Уединенном» под условным названием «Удивительно противна мне моя фамилия», где, вроде бы, Розанов напрямую

обращается к своей биографии: «Всегда с таким чужим чувством подписываю “В. Розанов” под статьями» [Розанов, 2002, с. 61]. Уже отмечалось, что своим именем Розанов подписывался лишь в «Новом Времени». Потому кавычки, в которые заключена фамилия, выполняют здесь функцию разграничения, образуя тот самый «ззор».

Продолжая свою мысль, Розанов называет целый ряд имен совершенно реальных людей, заключая их фамилии, как и раньше свою, в кавычки, выделяя их таким образом, придавая им дополнительные смыслы, в итоге образуя все тот же «ззор» между действительностью и ее представлением в «листе».

Первой идет фамилия «Руднев» — это фамилия отца Варвары Дмитриевны, жены Розанова. Первой эта фамилия появляется вполне закономерно: «Уединенное» писалось во время тяжелой болезни жены. Подписи «В. Розанов» и «Руднев» — это указание на готовность говорить и писать от собственного имени. Кроме того, подписи «В. Розанов» и «Руднев» словно очерчивают семейный круг его, а ближе и дороже ничего не было в жизни этого отнюдь не парадоксального, а вполне целостного по своим взглядам и пристрастиям мыслителя. Закрывая фамилии Руднев и Розанов в кавычки, он нескрываяемо любит ими, визуальнo подчеркивая свои чувства.

Условный семейный круг сменяет круг писателей. Первым оказывается «Бугаев», то есть Андрей Белый, с которым Розанов был знаком, но без особой взаимной симпатии, потому закономерно через запятую после фамилии Бугаев в кавычках появляется вяло брошенное «что-нибудь» [Николюкин, 2008]. Затем следует «обыкновенное русское “Иванов”». Конечно, слово «обыкновенное» менее всего может быть отнесено к высоколобому Вяч. Иванову, с которым Розанов был хорошо знаком, бывал в его знаменитой Башне, что не помешало Вяч. Иванову на заседании Религиозно-философского общества в Петербурге 4 мая 1909 г. отозваться на доклад Розанова «О радости прощения» целым рядом критических замечаний, из коих главное заключалось в непонимании существа христианства [Иванов Вяч., 2009]. Человеку, который еще на заре своей творческой деятельности написал работу «Об историческом положении христианства» (1886), выслушивать обвинения подобного рода было как минимум крайне неприятно. Поэтому и появляется определение в адрес Вяч. Иванова — «обыкновенное русское». «Что-нибудь» и «обыкновенное русское» в адрес

названных деятелей отражает отношение Розанова к ним, данное в форме, менее всего к ним подходящей, лишенной какой бы то ни было объективности. Да Розанов и не стремился быть объективным, он творил свою «листву», содержанием источником которой была жизнь.

С другой стороны, и Андрей Белый, и Вяч. Иванов входили в ближайший круг общения близкого Розанову человека — Павла Флоренского, здесь не названного, но для тех, кто знаком с их биографиями, появление именно этих поэтов-символистов может восприниматься как условный жест в сторону Павла Флоренского: вот таковы Ваши друзья [Едошина, 2003; Едошина, 2016]. Жест понятный и органичный, чему вполне отвечают в данном случае кавычки и новое появление фамилии Розанова как бы «со стороны» в традиции жанровой сцены на картинах художников-передвижников: «Иду раз по улице. Поднял голову и прочитал: “Немецкая булочная Розанова”. Ну так и есть: все булочники „Розановы” и, следовательно, все Розановы — булочники. Что таким дуракам (с такой глупой фамилией) и делать» [Розанов, 2002, с. 61]. Контекст подсказывает: дурак, с глупой фамилией — это тот, кто не Андрей Белый и не Вяч. Иванов. Но в русских сказках (читай: в традиции русской культуры) именно дурак оказывается в итоге самым умным.

Мотив «немецкой булочной» также является биографическим и связан с Эрихом Голлербахом, давним знакомцем Розанова, а позднее — его первым биографом. Отцом Голлербаха был Федор Георгиевич Голлербах, обрусевший немец. В Царском Селе он владел булочной-кондитерской, которая находилась на пересечении улиц Московской и Леонтьевской. «Источником самых сладких воспоминаний» останется эта кондитерская в воспоминаниях А. Ахматовой. Но помимо сладостей, в его пекарне делались копеечные маленькие булочки-«розанчики». Их отвозили в Петербург, где они пользовались огромным спросом. «Розанчики» и послужили источником мотива булочной, который звучит в унисон с фамилией «Розанов». Именно потому «все булочники — „Розановы”». В анализируемом фрагменте фамилия Розанов дается в кавычках, которые в данном случае выполняют уточняющую функцию, не утрачивая при этом эмоционального наполнения.

И далее Розанов вновь обращается к чужим фамилиям, которые еще хуже, чем Розанов: «“Каблуков”»; это уже совсем позорно» и «“Стеч-

кин” ... это уж совсем срам», чтобы завершить этот фрагмент «листа» мыслью о неприятности «носить самому себе неприятную фамилию», добавив: «Я думаю, „Брюсов” постоянно радуется своей фамилии» [Розанов, 2002, с. 61-62].

С Каблуковым Розанов был не просто знаком, но состоял во вполне доверительных отношениях, хотя свою книгу «Итальянские впечатления», к изданию которой Каблуков приложил немало усилий, сопроводил вот такой надписью: «Преданному и самоотверженному оруженосцу — но не Санчо Панса — Сергею Платоновичу Каблукову “рыцарь печального образа” В. Розанов» [Каблуков]. «Но не Санчо Панса» по причине отдаления Каблукова от Розанова в сторону Мережковских. Думается, именно этот факт и сказался в оценке фамилии «Каблуков».

Н. Я. Стечкин (псевд. Стародум), сотрудник журнала «Русский Вестник», критиковавший Розанова за его взгляды по еврейскому вопросу [Воронцова, 2008]. В свою очередь, Розанов в одном из писем к В. Я. Брюсову приводит слова Шарапова, что Стечкину нужно сменить фамилию [Розанов, 2002].

Если со Стечкиным и Каблуковым все в общем-то понятно (в закавыченных фамилиях они отражаются как в кривом зеркале), то несколько странным кажется обращение Розанова опять к своей фамилии. Возможно, с одной стороны, если вспомнить мотив «немецкой булочной», его фамилия вполне вписывается в ряд «неприятных», но с другой... А вот условно другой стороной оказывается «Брюсов». Из биографии Розанова известно, что он с Брюсовым сотрудничал в нескольких периодических изданиях, что они были хорошо знакомы, но особой творческой близости между ними не возникло.

Между тем по своим корням Брюсов, как и Розанов, связан с Костромской губернией. Брюсов происходил из купеческой среды, а Розанов — из церковной. Потому Брюсов носил свою природную фамилию, Розанов — ту, что дали его отцу в Костромской духовной семинарии, а то быть бы ему Елизаровым — и никаких «розанчиков».

Однако Розанов не был бы самим собой, если бы вот здесь и остановился, нет, он следом за «радующимся» Брюсовым пишет:

Поэтому

СОЧИНЕНИЯ В. РОЗАНОВА

меня не манят. Даже смешно.

СТИХОТВОРЕНИЯ В. РОЗАНОВА

Совершенно нельзя вообразить. Кто же будет «читать» такие стихи?

Ты что делаешь, Розанов?

Я пишу стихи.

Дурак. Ты бы лучше пек булки.

Совершенно естественно [Розанов, 2002, с. 62].

В привычной для себя манере графически выделять значимые слова Розанов использует в этом тексте именованья, набранные заглавными буквами: СОЧИНЕНИЯ В. РОЗАНОВА, СТИХОТВОРЕНИЯ В. РОЗАНОВА как нечто ни на что не похожее, странное и даже дикое. Этим названиям вторит глагол «читать» в кавычках со знаком вопроса, в этом контексте вполне риторическим, что подтверждается следующим далее диалогом.

В контексте радующегося своей фамилии «Брюсова» появление мотива стихов представляется вполне органичным, особенно если учесть восприятие Розановым, например, знаменитого брюсовского моностиха «О, закрой свои бледные ноги!»: «Угол зрения на человека и, кажется, на все человеческие отношения, то есть на самую жизнь, здесь открывается не сверху, идет не от лица, проникнут не смыслом, но поднимается откуда-то снизу, от ног, и проникнут ощущениями и желаниями, ничего общего со смыслом не имеющими» [Розанов, 1904, с. 10]. Конечно, на этом фоне пишущий Розанов выглядит дураком, который ничего не понимает в литературных трендах современности. На это несовпадение свое со временем Розанов и указывает, но указывает не напрямую, не в лоб, а через намек, через «ззор» между действительностью и ее образом в тексте.

Следующий эпизод из этого же «листа» связан с восприятием Розановым своей внешности («со стороны», в зеркалах — в гимназии (большое зеркало) и дома (ручное зеркало). В обоих отражениях «Розанов» предстал в несимпатичном облике: красное лицо с лоснящейся кожей, огненного цвета непослушные волосы. Зеркала словно убеждали: с такой внешностью (вкупе с фамилией) его никто не полюбит. Никто и никогда. Но Розанов умел преобразовывать действительность, обнаруживая в ней скрытые смыслы. Его любили товарищи, ибо он всегда шел против начальства. Но, что еще важнее, зеркала не передавали «жизни лица», которая оказывалась значительнее и существеннее сугубо внешних данных. Однако внешние данные суть внешние условия любви, потому оставалось одно: «ухо-

дить в себя, жить с собою, для себя (не эгоистически, а духовно), для будущего», что стало «причиной для самоутрубления» [Розанов, 2002, с. 63-64].

В этом эпизоде Розанов покидает пределы глубоко внешней стороны своей биографии. Он обнаруживает в себе «другого», если воспользоваться бахтинской терминологией. Этот «другой» раскрывается в третьем эпизоде анализируемого «листа», когда Розанов описывает себя в качестве «Розанова»: ему все в себе нравится, ибо он (тот внутренний, «другой») не имеет формы, а следовательно, открыт для развития, для становления, что сродни органике жизни. Потому торжествующей песней звучит: «...я весь — дух, и весь — субъект; субъективное ... развито во мне бесконечно... Я “наименее рожденный человек”, как бы “еще лежу (комком) в утробе матери” ...и “слушаю райские напевы” (вечно как бы слышу музыку, — моя особенность). ... я сам (в себе, в “комке”) бесконечно интересен, а по душе — бесконечно стар, опытен, точно мне 1 000 лет, и вместе — юн, как совершенный ребенок... Хорошо! Совсем хорошо...» [Розанов, 2002, с. 64-65].

Фактически в этих словах раскрывается весь «Розанов» с его живым интересом к современности, в которую он буквально ввинчивался всем своим существом, стремясь ее увидеть с разных сторон, объемно, и одновременно к древности, проживаемой им в процессе разглядывания/трогания монет, рисунков, мелкой пластики, их перенесения на бумагу. «Розанов» познает мир через его чувственное восприятие, потому столь важной окажется ему тема пола, семьи.

Заключение

В «Уединенном» Розанов впервые достигает того, к чему (пусть изначально против своей воли) долго шел: он овладел пестротой и влажностью слова, благодаря чему персонаж, именуемый как «Розанов», воспринимается живым человеком, похожим на автора, но не совпадающим с ним. «Розанов» в «Уединенном» — это персонафицированное отношение к себе и к жизни. «Шалунок у Бога» умел быть верным своей природе.

Библиографический список

1. Валгина Н. С. Современный русский язык. Пунктуация. Москва : Высшая школа, 1989. 176 с.
2. Варламов А. Н. Имя Розанова. Москва : Молодая гвардия, 2022. 501 с.
3. Виноградов В. В. О некоторых вопросах рус-

ской исторической лексикологии. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=sotschinitel&vol=3> (дата обращения: 13.05.2022).

4. Воронцова Т. В. Стародум // Розановская энциклопедия. Москва : РОССПЭН, 2008. Стлб. 930-932.

5. Едошина И. А. К проблеме онтологизма заголовочного текста: отец Павел Флоренский и Вяч. Иванов // Энтелехия. 2003. № 6. С. 55-61.

6. Едошина И. А. Незавершенная поэма П. А. Флоренского «Святой Владимир»: контексты, смыслы и поэтика // Соловьевские исследования. 2016. № 2. С. 150-161.

7. Иванов Вяч. Евангельский смысл слова «земля» // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): история в материалах и документах: 1907-1917 : в 3 т. Т. 1. Москва : Русский путь, 2009. С. 610-617.

8. Каблуков С. П. О В. В. Розанове (из дневника 1909 г.). URL: http://russianway.rhga.ru › main › 11_Kablukov (дата обращения: 06.05.2022).

9. Митрофанова Т. П. Парабола / Т. П. Митрофанова, Т. Ф. Приходько // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. Т. 9. Москва : Советская энциклопедия, 1978. Стлб. 597.

10. Николокин А. Н. Белый // Розановская энциклопедия. Москва : РОССПЭН, 2008. Стлб. 121-123.

11. Письмо В. В. Розанова к Э. Ф. Голлербаху от 16 июля 1915 г. (Письма В. В. Розанова к Э. Ф. Голлербаху) // Звезда. 1993. № 8. С. 99.

12. Розанов В. В. Декаденты. Критические этюды. Санкт-Петербург : Тип-я П. Ф. Воициной, 1904. 24 с.

13. Розанов В. В. Полное собрание «опавших листьев». Кн. 1. Уединенное. Москва : Русский путь, 2002. 424 с.

14. Розанов В. В. Зимний праздник // Собрание сочинений : в 30 т. Т. 21. Москва : Республика, 2005. С. 326-329.

15. Розанов В. В. Уединенное [Комментарии] // Собрание сочинений : в 30 т. Т. 30. Москва : Республика ; Санкт-Петербург : Росток, 2010. С. 388-396.

16. Розанов В. В. Тайна. Из записной книжки писателя // Полное собрание сочинений : в 35 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Росток, 2015. С. 239-603.

17. Синявский А. Д. «Опавшие листья» В. В. Розанова. Париж : Синтаксис, 1982. 337 с.

18. Хомяков А. С. Димитрий Самозванец. Трагедия в пяти действиях // Стихотворения и драмы. Ленинград : Советский писатель, 1969. С. 278-461.

19. Фатеев В. А. Жизнеописание Василия Розанова. Санкт-Петербург : Пушкинский Дом, 2013. 1056 с.

20. Шварцкопф Б. С. Скобки // Русский язык: энциклопедия. Москва : Большая Российская энциклопедия, 2003. С. 485.

Reference list

1. Valgina N. S. Sovremennyj russkij jazyk. Punctuacija = Modern Russian. Punctuation. Moskva : Vysshaja shkola, 1989. 176 s.

2. Varlamov A. N. Imja Rozanova = Name of Rozanov. Moskva : Molodaja gvardija, 2022. 501 s.
3. Vinogradov V. V. O nekotoryh voprosah russkoj istoricheskoj leksikologii = On some issues of Russian historical lexicology. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=sotschinitel&vol=3> (data obrashhenija: 13.05.2022).
4. Voroncova T. V. Starodum = Starodum // Rozanovskaja jenciklopedija. Moskva : ROSSPJeN, 2008. Stlb. 930-932.
5. Edoshina I. A. K probleme ontologizma zagolovochno go teksta: otec Pavel Florenskij i Vjach. Ivanov = To the problem of ontologism of the title text: Father Pavel Florensky and Vyacheslav Ivanov // Jentehija. 2003. № 6. S. 55-61.
6. Edoshina I. A. Nezavershennaja pojema P. A. Florenskogo «Svjatoj Vladimir»: konteksty, smysly i pojetika P. A. Florensky's unfinished poem «St. Vladimir»: contexts, meanings and poetics // Solov'evskie isledovanija. 2016. № 2. S. 150-161.
7. Ivanov Vjach. Evangel'skij smysl slova «zemlja» Gospel meaning of the word «earth» // Religiozno-filosofskoe obshhestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde): istorija v materialah i dokumentah: 1907-1917 : v 3 t. T. 1. Moskva : Russkij put', 2009. S. 610-617.
8. Kablukov S. P. O V. V. Rozanove (iz dnevnika 1909 g.) = About V. V. Rozanov (from the diary of 1909). URL: http://russianway.rhga.ru › main › 11_Kablukov (data obrashhenija: 06.05.2022).
9. Mitrofanova T. P. Parabola = Parabola / T. P. Mitrofanova, T. F. Prihod'ko // Kratkaja literaturnaja jenciklopedija : v 9 t. T. 9. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1978. Stlb. 597.
10. Nikoljukin A. N. Belyj = White // Rozanovskaja jenciklopedija. Moskva : ROSSPJeN, 2008. Stlb. 121-123.
11. Pis'mo V. V. Rozanova k Je. F. Gollerbahu ot 16 ijulja 1915 g. (Pis'ma V. V. Rozanova k Je. F. Gollerbahu) Letter of V. V. Rozanov to E. F. Gollerbach dated July 16, 1915 (Letters of V. V. Rozanov to E. F. Gollerbach) // Zvezda. 1993. № 8. S. 99.
12. Rozanov V. V. Dekadenty. Kriticheskie jetjudy = Decadents. Critical studies. Sankt-Peterburg : Tip-ja P. F. Voshhinskoj, 1904. 24 s.
13. Rozanov V. V. Polnoe sobranie «opavshih list'ev». Kn. 1. Uedinennoe = Complete collection of «fallen leaves». Ch. 1. Private. Moskva : Russkij put', 2002. 424 s.
14. Rozanov V. V. Zimnij prazdnik = Winter holiday // Sobranie sochinenij : v 30 t. T. 21. Moskva : Respublika, 2005. S. 326-329.
15. Rozanov V. V. Uedinennoe [Kommentarii] = Private [Comments] // Sobranie sochinenij : v 30 t. T. 30. Moskva : Respublika ; Sankt-Peterburg : Rostok, 2010. S. 388-396.
16. Rozanov V. V. Tajna. Iz zapisnoj knizhki pisatelja = Secret. From the writer's notebook // Polnoe sobranie sochinenij : v 35 t. T. 2. Sankt-Peterburg : Rostok, 2015. S. 239-603.
17. Sinjavskij A. D. «Opavshie list'ja» V. V. Rozanova = «Fallen Leaves» by V. V. Rozanov. Parizh : Sintaksis, 1982. 337 s.
18. Homjakov A. S. Dimitrij Samozvanec. Tragedija v pjati dejstvijah = Dimitri the Pretender. Tragedy in Five Acts // Stihotvorenija i dramy. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1969. S. 278-461.
19. Fateev V. A. Zhizneopisanie Vasilija Rozanova = Biography of Vasily Rozanov. Sankt-Peterburg : Pushkinskij Dom, 2013. 1056 s.
20. Shvarckopf B. S. Skobki = Brackets // Russkij jazyk: jenciklopedija. Moskva : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 2003. S. 485.

Статья поступила в редакцию 23.09.2022; одобрена после рецензирования 21.10.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted on 23.09.2022; approved after reviewing 21.10.2022; accepted for publication on 10.11.2022.